

382710

Профессор С. Д. БАЛУХАТЫЙ

ВЕЛИКИЙ СЫН ВЕЛИКОГО НАРОДА

К 50-летию со дня появления
М. Горького в литературе
1892 — 1942

ОГИЗ

Саратовское

1942

С. 125 стр. Государственное издательство

В суровые дни Отечественной войны, переживаемые нашей страной, мы отмечаем 50-летие со дня появления в литературе гениального писателя и великого трибуна революции Алексея Максимовича Горького. 24 (12) сентября 1892 г. на страницах тифлисской газеты «Кавказ» появился рассказ «Макар Чудра», и с тех пор—вот уже полвека—стоит перед нами могучий образ титана мысли и слова, талантливейшего сына русского трудового народа. До сегодняшнего дня со страниц его сильных, ярких, образных повестей, рассказов, пьес, статей раздаётся вдохновенный голос в защиту высоких прав человека на свободную и творчески полноценную жизнь, звучит гимн труду и разуму человечества, слышится пламенное, опалющее своим энтузиазмом, слово о величии идей социализма, его глубоко правдивая, полная веры в светлое будущее нашей страны речь о замечательной внутренней красоте и силе русского народа. Голос Горького смолк в 1936 г. — за пять лет до начала решительной схватки передового человечества с фашизмом—гитлеризмом,—но революционное слово Горького, насыщенное пафосом борьбы против мракобесов, продолжает и сейчас звучать как клич к борьбе, как яркий лозунг, как меткий боевой выстрел. Вот почему в ответственные дни великих боев и мобилизации всех народных сил на защиту дорогого всем нам социалистического отечества и великих идей пролетарского гуманизма мы вновь обращаем свой взор к Горькому — человеку, патриоту, писателю, революционеру.

1.

Горький всю свою жизнь думал и писал о русском народе. Его художественные произведения дают огромную галерею образов русских людей и насыщены мыслями об условиях их жизни, об их душевных достоинствах и свойствах, об их возможном будущем. Можно без преувеличения сказать, что единственной, ведущей и господствующей темой творчества Горького, заказанной им самому себе и раскрываемой им в течение всей жизни, была тема родины, многосторонняя тема русского быта, истории и психологии русского народа. И оттого со страниц произведений Горького, как со

страниц подлинного исторического документа, встает большая и многострадальная Россия времени господства самодержавно-царистского режима, времени появления нового «хозяина» — буржуазно-капиталистического класса и, наконец, времени накопления сил и открытой борьбы трудящихся классов с социальными поработителями.

Горький говорил о старой России не только как свидетель и современник ее тяжелой жизни, но как непосредственный ее участник, как прямой представитель русского народа. Великую силу, беспощадную правду, высокую выразительность несут слова и образы Горького потому, что они принадлежат исконному сыну русского народа, воспитанному коренными условиями русской жизни и никогда не порывавшему органической своей связи со своими соотечественниками. В одном из своих антицаристских воззваний к английскому пролетариату Горький справедливо сказал о себе: «я обращаюсь к вам как человек, вышедший из народа и который никогда не потеряет с ним связь»¹⁾. Это свидетельство писателя о себе подтверждается биографическими фактами: мы знаем ту кондовую русскую среду, которая окружала детство и молодые годы Горького, нам известно о раннем знакомстве будущего писателя с народными характерами по сказкам и песням бабушки его Акулины Ивановны Кашириной, мы имеем многочисленные свидетельства непрерывного общения Горького с народом на многих путях и перепутьях русской жизни в последующие годы. Уже в пору своей огромной известности Горький писал, иронически оценивая интеллигенцию, сторонящуюся «простого» народа: «образованную» и «культурную» публику терпеть не могу, вожу компанию больше всего со своим братом, простяком, с мастеровщиной, с ломовыми извозчиками, с босяками и т. д. Это — простой, искренний, хороший люд, и я люблю быть среди него». Горький имел широчайший круг наблюдений. Отличаясь поразительной впечатлительностью и редчайшей памятью, он запомнил огромное число житейских случаев, встреч, лиц, живых впечатлений, интимных признаний — и все это запечатлел во множестве художественных образов. Горький записал суждения русских людей о самих себе, а главное — непрерывно сам думал о русских людях, о сложной, путаной и неприкаянной их жизни.

Видя в жизни много грязи, лжи, всякой скверны, Горький сказал о ней такую беспощадную правду, до которой не подымался ни один писатель и публицист и которая многим может показаться преувеличенной, слишком суровой и жестокой.

¹⁾ Цитируя без указания источников взяты из статей, рассказов и писем Горького, опубликованных в печати.

Горький не был даже патриотом, который якобы из любви ко всему родному, национальному готов говорить только о хороших свойствах и качествах своих соотечественников, стыдливо скрывать плохое, темное, подставляя вместо пестрого лица жизни ее подкрашенную, розовую маску. Горький говорил: «Я не принадлежу к слепым «патриотам» своего отечества» и уверен, что хорошо знаю «душу народа». Эта очень «широкая», ёмкая душа была насыщена и отравлена темными, уродливыми суевериями и дикими предрассудками примитивных бытовых условий». Суровые полотна русской жизни, какими они выглядят со страниц произведений Горького и в первую очередь его автобиографических произведений, говорят читателю о том, что жизнь безмерно сложна, что правда ее — суровая и жестокая. Недаром, обличая русскую действительность, Горький говорил о себе: «Я очень люблю людей и не хотел бы никого мучить, но нельзя быть сентиментальным и скрывать грозную правду». Именно из подлинных патриотических чувств Горький восставал против лже-патриотизма дворянских писателей, которые изображали «мужичка», по определению Горького, «боголюбивым христианином, насквозь пропитанным кротостью и всепрощением», а также против фальши писателей-народников, которые рисовали мужичка «раскрашенным в красные цвета и вкусным, как вяземский пряник, коллективистом по духу, одержимым активной жаждой высшей справедливости и со священной радостью принимающим каждого, кто придет к нему «сеять разумное, доброе, вечное». О народе писали и говорили, но народа по существу его природы не знали, о чем Горький откровенно сказал в следующих строках из очерка «9 января»: «Больше всего говорили о «нем», убеждали, что «он» — добрый, сердечный и — всё поймет... Но в словах, которыми рисовали его образ, не было красок. Чувствовалось, что о «нем» давно — а, может быть, и никогда — не думали серьезно, не представляли его себе живым, реальным лицом, не знали, что это такое, и даже плохо понимали — зачем «он» и что может сделать?»

Горький не остановился перед тем, чтобы поведать миру «о свинцовых мерзостях дикой русской жизни», чтобы без утайки, ничего не забывая и ничего не скрывая, рассказать о подлинной жизненной правде, как бы она ни была страшна и безобразна. Горький руководился одной глубокой и правильной мыслью: исправить плохое можно, узнав его до конца. Горький говорил: «Это — живучая, подлая правда, она не издохла и по сей день. Это та правда, которую необходимо знать до корня, чтобы с корнем же и выдрать ее из памяти, из души человека, из всей жизни нашей, тяжелой и позорной». Горький знал и другое — что как бы ни была жестока и сурова

эта правда, она не может подавить, заглушить в нас уверенности в торжестве хороших, положительных начал жизни, ибо жизнь не исчерпывается мерзостями: «Хотя они и противны, хотя и давят нас, до смерти расплющивая множество прекрасных душ,—русский человек все-таки настолько еще здоров и молод душою, что преодолевает и преодолеет их». В одном из писем Горький говорил о себе: «Я честный свидетель происходящего... никто не выдумывает меньше меня. ...Мне одно можно поставить в вину: я слишком мало ценю плохое, мало обращаю на него внимания, ибо—я знаю: оно издохнет, издыхает, оно—не нужно людям, они его уничтожат, со временем... И я гораздо более занят розысками хорошего, того—чему надо жить, чему следует расти, и что—растет. Возиться в гнилых кучах отмирающего—не люблю, не боюсь грязи, презираю ее...»

Вскрывая болезненные наросты в душе русского человека и отрицательные явления в русской действительности, Горький всегда напоминал о тех основаниях, которые их вызвали. Личное и национальное в человеке,—утверждал Горький,—производное от социального, оно не врождено и постоянно, а порождено определенными историческими условиями,—и с изменением этих условий неизбежно в свою очередь радикально изменяется. Горький всегда говорил, что худшие стороны русского характера есть результат тех подлых условий социального бытия, той кошмарной исторической действительности, которую пережил русский народ, пройдя через рабские узы феодально-крепостнического строя, затем царистско-самодержавного режима и далее хищнической буржуазно-капиталистической системы. «Я утверждаю, что рабочему и крестьянину царской России жилось несравненно тяжелее, чем любому из трудовых классов Европы. Люди труда в России были более бесправны, невежественны. Давление государства и церкви на волю и разум человека в России было более тяжелым, грубым и уродливым, чем в Европе. Нигде талантливые люди не погибали в таком количестве и так легко, как в русской земле». И еще: «Надо же признать неоспоримым тот факт, что ни один из народов Европы не обучался в таком страшном университете крови, пыток, циничнейших массовых убийств так наглядно и заботливо, как обучали этому русский народ».

Тяжелые социальные условия, в которых жил русский народ, а с ним и другие народности, населяющие территорию нашей страны, рожают у Горького чувство гнева, протеста, решительного несогласия со всем плохим наследием, полученным от прошлого. Горький полон сильными словами, направленными в адрес старинных российских грехов, и он всеми

способами—и убеждением, и образцовыми примерами иного поведения, и ссылками на прошлое—стремится пробудить в людях человеческое достоинство, возбудить в них уважение к себе, внимание к судьбе своей страны и друг к другу, интерес к жизни мира. Горький говорил, что «нам больше, чем кому-либо, необходимо духовное здоровье, бодрость, вера в творческие силы разума и воли». Горький страстно заклеил проповедь всепрощения и покорности, говоря, например, о Достоевском: «Каторга убила в Достоевском его живую душу и привела его к оправданию страдания, к проповеди роковой обреченности человечества на муки, к совету—смириться, покориться, простить; нет, мы слишком много покорялись и прощали, и не слушать, а преодолеть должны мы Достоевского, он—наш национальный враг». Возмущаясь бесплодными жалобами людей, их болезненным упоением страданиями, Горький писал: «До сих пор мы только жаловались и стонали, не замечая, как щедро и богата жизнь и какой прекрасной мы можем ее сделать, если только захотим. Надо звать к жизни, надо ясно почувствовать и осознать свою связь с природой, а главное, с великим человеческим коллективом, и тогда мы станем бодрыми, сильными и будем хозяевами жизни, а не рабами ее».

Основной мотив всего творчества Горького—протест против современной социальной действительности, против насилия над личностью, против общественного и политического гнета, острая ненависть к затхлому укладу обыденной жизни, к убогой, вялой обывательщине, непримиримая вражда ко всякому ограниченному и трусливому мещанству. Этому ненавистному им миру Горький объявил решительную войну, утверждая необходимость борьбы, подвига, активных действий людей с сильными страстями, с упорством воли, с удалей и размахом. «Комариной» мещанской жизни и миру обывательщины Горький противопоставил свою мечту о сильных, смелых людях, свободных от всяких предрассудков, о людях, которые должны были придти в жизнь, как ее преобразователи. Образ такой личности лег в основу характера положительного героя ранних произведений Горького. Смелый, цельный, большой человек произведений Горького всегда обращен лицом к светлому будущему, во имя которого он горячо ненавидит темное настоящее. Эту свою направленность Горький выразил как в бытовых рассказах, так и в серии произведений легендарных и аллегорических. В тяготении Горького, по преимуществу в ранний период его творчества, к легендарным и фантастическим образам с культом сильной личности, к свободолюбивым натурам с твердым сердцем, с любовью к подвигам, с глубокими страстями сказилось увлечение пролета-

риата не существовавшими еще в действительности, но более совершенными образами жизни, которыми можно было творчески преодолеть окружающий крошечный ужас социального неравенства и обывательщины.

Горький внушал любовь к жизни, к человеку, к активной мысли и поведению, раскрывая красоту натур действенных. «Натуры действенные, активные обращают свое внимание, главным образом, в сторону положительных явлений, на те ростки доброго, которые, развиваясь при помощи нашей воли, должны будут изменить к лучшему нашу трудную, обидную жизнь». Горький противопоставлял увечью нанесенному русской нации историей, увечью, кое «искажает душу, препятствует свободному росту и цвету личности, понижает дееспособность», — активную, инициативную, горячую любовь к родине: «Русь надо любить, надо будить в ней энергию, сознание ее красоты, силы, чувство собственного достоинства, надо прививать ей ощущение радости бытия». А для этого опять таки «необходима проповедь бодрости, необходимо духовное здоровье, деяние, а не самосозерцание, необходим возврат к источнику энергии — к демократии, к народу, к общественности и науке». Горький гневно писал с том, что ему «надоел субъективизм, чужд человек, который все стонет, плачет, отрицает, подчеркивает страшное, жестокое и не видит за единичными проявлениями борьбы за жизнь ее великий процесс, ее могучий рост, не видит, как постепенно слагается коллективная психика, как организуется мировой опыт, — сила, коя победит все препятствия на пути к великому делу строительства новой жизни».

И Горький с изумительной прозорливостью, с необычайным вниманием ко всему светлому, доброму, полезному и талантливому, с беспримерной настойчивостью искал и находил в русском человеке, в национальных особенностях русского духа, — ума и чувства, — черты высоко положительные, социально-полезные, образцовые и поучительные для жизни не только нашей нации, но и всего прогрессивного человечества.

Что же национально-положительного видел Горький в дореволюционные годы в русском народе? Этот народ для тех, кто подходил к нему со стороны, представлялся загадкой, всегда неожиданной и до конца непонятной. Среди первобытно-грубой жизни возникает тяжелый образ угрюмого русского мужика, озорника и грубияна, — и «вдруг поражает метким словом мудреца, верным суждением о порядках жизни, о себе самом, и стоит уже полный неожиданно возникшим откуда-то из глубины его души сознанием своего достоинства». Это — загадка для тех, кто не взял на себя труд изучить русский народ во всех его проявлениях, кто не знаком с его

делами в историческом прошлом, кто судит о русской жизни, не проникая вглубь, но лишь скользя по ее поверхности.

Горький подходил к русскому народу иначе: всесторонне наблюдая его дела, его поведение, строй его мысли, связывая его настоящее с его прошлым, сравнивая его историю с историей иных народов, выделяя самое характерное, типичное, своеобразное и драгоценное. Горькому ясно, что русский народ «исключительно, фантастически талантлив, своеобразен». «Почти пятьдесят лет я наблюдал жизнь людей различных классов. Не очень доверяя моим непосредственным впечатлениям, я проверял их, изучая историю моего народа, сравнивая ее с историей народов Запада». И подводя итог этому наблюдению, Горький говорил: «Очень, анафемски талантлива Русь. Оттого ей так трудно и живется».

189. 2. 6. 104

Эта талантливость позволила русскому народу в отдаленные времена делать изумительные дела. Народ, как «строительная сила», создал типы государственного бытия: демократическое княжество—Киевскую Русь, республиканское народоправство—Новгород, Псков, Вятку, самодержавное государство—Москву. Этот народ несколько раз поднимался против угнетателей, добиваясь свободы: Разин, Булавин, Пугачев были выразителями его стремлений. «Он, народ, этот, без помощи государства захватил и присоединил к Москве огромную Сибирь руками Ермака и понизовой вольницы, беглой от бояр. Он, в лице Дежнева, Крашенинникова, Хабарова и массы землепроходцев открывал новые места, проливы—на свой счет и за свой страх. ...Этим народом сделано много дела, у него есть большая история».

Русский народ в этой большой истории, которая продолжается до сегодняшних дней, проявил замечательные свои душевные свойства, которые в простом перечне сводятся к такому сочетанию: бесстрашие, презрение к смерти, мужественное преодоление всяких трудностей и препятствий на пути к достижению поставленной цели; беззаветный героизм и самопожертвование в борьбе; свободолюбие, категорический отказ от всего стесняющего личность, неудовлетворенность найденным, достигнутым и стремление идти дальше, вглубь, до конца; огромная интуиция, соединенная с оригинальным и разносторонним умом; сердечность—«жадные на ласку, обворованные жизнью человеческие сердца» открыты теплоте, чувству, искреннему участию, сочувственному слову, на доброту отвечают добром же; душевная преданность, умение всегда помочь людям, а в беде проявление серьезной, вдумчивой заботы; чувство красоты до самозабвения и исключительная талантливость во всех областях искусства.

Велики исторические заслуги русской женщины, ее беспримерный социальный труд, ее подвиги: «начиная с Марфы Борецкой и Морозовой, кончая женщинами раскольниковых скитов и революционных партий, мы видим перед собой образ эпический». В этом облике, великолепно и любовно обрисованном старыми мастерами образа и слова, соединились такие черты: «Величавая простота, презрение к позе, мягкая гордость собой, недюжинный ум и глубокое, полное неиссякаемой любви сердце, спокойная готовность жертвовать собой ради торжества своей мечты».

Беря за основу своих заключений о русском народе в прошлом крестьянский массив, Горький считал, что обобщенный его образ, национальный его характер воспроизведен «во весь рост» писателем В. Короленко в лице Тюлина, героя его рассказа «Река играет», который способен вдруг, в минуты опасности, проснуться и совершить изумительный подвиг. «Тюлин на Ветлуге,—писал Горький,—это тот же Минин в истории». Тюлин—«это удачливый Иванушка-дурачок наших сказок, но Иванушка, который уже не хочет больше ловить чудесных жар-птиц, зная, что сколько их не поймай, господишки все отнимут. Он уже не верит Василисе Премудрой: неизмеримое количество бесплодно затраченной силы поколебало сказочное упорство в поисках счастья». Правда, сказанная Тюлиным,—«огромная правда, ибо в этой фигуре дан исторически верный тип великорусса—того человека, который ныне сорвался с крепких цепей мертвой старины и получил возможность строить жизнь по своей воле».

Русские люди прошлого—талантливые натуры, но натуры еще молодые, не проявившие себя вполне, еще не жившие во всю мощь своих неизбывных сил и способностей, какие-то «невспаханные души». Горький глубоко, страстно верил в то, что этот народ, в условиях полного раскрепощения его от социальных пут, удивит мир своими талантами, своей силой и красотой. Это постоянное свое убеждение Горький высказывал многократно во все дни своих бесед с читателями о судьбах русского народа. В 1905 г. он говорил в воззвании к французским рабочим: «Я работал и жил среди рабочего народа. Я знаю его душу и знаю, что только он может осуществить на земле царство справедливости, только он способен создать жизнь новую, жизнь братскую, жизнь света и разума». В 1906 г. в обращении к А. Франсу: «Я знаю русский народ... я верю—этот народ может внести в духовную жизнь земли нечто своеобразное и глубокое, нечто важное для всех». В 1909 г.: «народ России... по натуре очень способен быстро схватывать все, что ему необходимо для правильного развития жизни и, будучи поставлен на путь европейской

культуры, может в идейном отношении быстро догнать сформированную капиталом демократию Запада». И наконец, в 1924 г.: «Я думаю, что когда этот удивительный народ... начнет работать с полным сознанием культурного, так сказать, религиозного, весь мир связующего, значения труда—он будет жить сказочно героической жизнью и многому научит этот и уставший и обезумевший от преступлений мир».

2.

Мысли о русском народе Горький раскрывал не только в публицистических статьях и письмах, но и в художественных образах своих рассказов, повестей, пьес. В обширном литературном наследии Горького перед нами встают картины пестрой русской жизни с ее темными и светлыми сторонами, проходят богатые натуры русских людей: крестьяне, рабочие, интеллигенты, купцы—«хозяева жизни» и лица, опустившиеся на жизненное дно; проходят люди беспокойные, тоскующие, неуёмные, «задумавшиеся» над жизнью, ищущие правды и справедливости на земле. Еще в ранних рассказах своих Горький развернул огромную галерею сильных душою и талантами людей из народа, зря проживающих свою жизнь, не видящих правильного исхода из нее для себя и гибнущих под двойным прессом—царистско-самодержавного режима и буржуазно-хищнической системы эксплуатации. Все свои большие повести и пьесы—эти насыщенные обильным бытовым и социальным материалом и глубокой идейностью широчайшие полотна русской жизни—Горький посвящает одной теме: описанию того, каков есть русский человек, чем он живет в настоящем, как обычно мучительно для себя и как подчас победоносно он ищет выхода к жизни нормальной, свободной, человеческой. В этих повестях и пьесах мы найдем в изобилии прямые мысли Горького о русском народе, иногда вкладываемые им в уста тех или иных персонажей—умных наблюдателей жизни.

✓ В рассказе «Бывшие люди» старик-тряпичник Тяпа возражает в споре с босяком, бывшим учителем: «Народ русский не может исчезнуть. Ты народ-то знаешь — какой он? Он — огромный... Сколько деревень на земле! Всё народ там живет,—настоящий, большой народ. А ты говоришь—вымрет... Народ не может умереть...».

В повести «Трое» сапожник Перфишка говорит: «Не били меня, милого, только печкой, а об печку сколько угодно! А хоть меня и били, и кожу с меня лупили, и кровь сосали, и на пол бросали—русский человек живуч! Хоть толки его в ступе—он всё на свое место вступит! Ха-ароший, крепкий человек!». ✓

Повесть «Исповедь» посвящена жизни «великомученика — народа» и рассказу о том, «чем душа народа жива». В ней выражена такая мысль: «Что ты знаешь о народе? Ты, слепой дурак, историю знаешь? Ты вот почитай-ка это житие, иже—выше всех!—во святых отца нашего великомученика—народа! Тогда, а может на счастье свое, поймешь, кто перед тобой, какая сила растет вокруг тебя, бесприютного нищего на чужой земле! Знаешь ты, что такое Русь? И что суть Греция, сиречь Эллада, также—Рим? Знаешь, чьею волею и духом все государство строилось? На чьих костях храмы стоят? Чьим языком говорят все мудрецы? Всё, что есть на земле и в памяти твоей, всё народом создано, а белая эта кость только ш ли ф о в а л а работу его...».

О народе-герое и «держальце земли» говорится в очерке «Пастух»: «Этот самый держалец земли всю вселенную кормит, и к нему всяк народ идет: немец разный, француз и турка—все к нему лезут. Даже, сам знаешь, завоевать хотели сколько раз: обворужатся чем лучше, и прямо на Москву лезут охально... Да... Подкатятся они, двенадцать языков, а то и побольше, тут он встанет да кэ-эк бабахнет! И все наступатели эти только рассыпятся,—больше ничего. И—никакой об них памяти. Будто—были, а—уж нет!».

В «Жизни ненужного человека» говорится о народе в дни всеобщей забастовки 1905 г.: «Вот—глядите! Захотел народ—и всё стало, захочет и возьмет всё в свои руки! Вот она сила. Помни это, народ, не выпускай из своей руки, чего достиг, береги себя!».

В повестях-эпопеях о необъятной уездной России — «Городок Окуров» и «Жизнь Матвея Кожемякина» — носителем мыслей Горького является умница Тиунов. Он видит, что русский народ—«весьма примученный тяжелой жизнью, ничем не вооруженный, голенький, сиротский, испуганный народ». Живет он жизнью каторжной, жизнью «анафемской», жизнью «обидной и нищей», «безо всякой связи изнутри». А вместе с тем Тиунов знает: «народ наш сообразительный, смекалистый, на свой салтык—умный—азбука!». Или: «И скажу тебе от сердца слово—хорош есть на земле русский народ! Дикий он, конечно, замордованный и весьма несчастен, а—хорош, добротный, даровитый народ! Вот ты погляди на него пристально и будешь любить!». Тиунов понимает, что нужна грамота, наука, чтобы «всякий мог понимать, что есть Россия». «Вот—воспитай деловой народ-то, чтобы он понимал сам себя и Россию!». Тиунов убежден, что Русь—«хорошая сторона, только надо это понять, чем хороша». Знаменательно

в мыслях и любовном внимании Тиунова к народу то, что даже в годы лихолетья он видит русский народ «в подъеме духа», видит, как «просыпается в народе любовь к своей стране, к русской милой земле его!».

В повести «Всё то же» говорится о талантливости русского народа так: «Изумительная интенсивная талантливость русского человека! Какая чудесная способность побеждать без оружия. Народ, идейно невежественный, теоретически безграмотный, он действует исключительно догадкой, этой таинственной смекалкой своей. ...А, боже мой, если бы этот народ был вооружен культурным опытом Европы, он, с его природными данными в сотню лет совершил бы чудеса!». И устами другого лица повести: «Вот он, сердечный наш народ. Это—густой народ, на день, на два, на год можно его заму-тить, но он скоро опять устоится... Он стоек! ...Люблю свой народ, цены ему нету! Измучен он, жалко его; всё наше жительство жалею до того, что иной раз сердце перехватывает, ну—ладно! Выстоим свое, дождемся, дотерпимся...».

Признаки возрождения сиротливого и замордованного народа намечены в повести «Лето», где крестьяне приходят к мысли о необходимости освободиться из плена земли своей, где дано ощущение близости этого освобождения, и повесть заключается возгласом: «С праздником, великий русский народ! С воскресением близким, милый!» А самый путь возрождения раскрыт в замечательной повести «Мать». В этой поистине народной эпопее показано, как русский низовой человек вырастает под влиянием революционной борьбы в мощную силу, приобретая черты высокой идейности и культурности: в нем рождается и крепнет чувство собственного достоинства, он наполняется гневом ко всему, что уродует человека и гнетет его жизнь, он воспитывает в себе уважение к человеческому разуму и коллективу, он полон энергии, неутолимого желания борьбы за законные права человека,—он проявляет наиболее честные и чистые свои качества. Возрожденный к жизни русский человек смотрит на всё ясными глазами, просто и смело, чутко разбираясь: «это—свой, это—чужие»; он упрямо роется «в путанице каждого частного случая» и всегда и всюду находит «какую-то общую, бесконечную нить, тысячами крепких петель связывавшую людей». Он сознает свою созидательную рабочую силу: «мы—те люди, которые строят церкви и фабрики, куют цепи и деньги, мы—та живая сила, которая кормит и забавляет всех от пеленок до гроба»; он понимает свое противоречивое положение в жизни: «мы всегда и везде—первые в работе и на последнем месте в жизни»; он верит в необходимость активного, инициативного вмешательства в жизнь, ведь «пора понять, что никто кроме

нас самих, не поможет нам! Один за всех, все за одного — вот наш закон, если мы хотим одолеть врага!»; он чувствует духовное родство свое с трудящимися всей земли; он полон исторического сознания своего дела: «мы должны идти всегда впереди всех, потому что мы — рабочие, призванные силою истории разрушить старый мир, создать новую жизнь».

Революция разбудила русского человека, вызвала в нем лучшие душевные его качества, — и в жизнь вошли новые люди. О них говорит Ниловна: «Идут лучшие сердца, честного ума люди, наступают неуклонно на всё злое, идут, топчут ложь крепкими ногами. Молодые, здоровые несут необоримые силы свои всё к одному — к справедливости! Идут на победу всего горя человеческого, на уничтожение несчастий всей земли ополчились, идут одолеть безобразие и — одолеют!». И конечный вывод о замечательных русских людях подведен словами героя повести, обращенными к Ниловне: «Какие хорошие люди, Ниловна! Я говорю о молодых рабочих — крепкие, чуткие, полные жажды все понять. Смотришь на них и видишь — Россия будет самой яркой демократией земли!...».

В повести «Жизнь Клима Самгина» вновь всплывает тема русского народа, проходит ряд народных типов — борцов за дело освобождения страны. А устами большевика Кутузова дана такая оценка рабочих: «В одном народники правы — рабочий народ у нас — хорош... Так что, когда народник говорит о любви к народу, — я народника понимаю».

В примечательной своими русскими типами, русскими думами и русской праздничной природой серии очерков «По Руси», в которой Горький запечатлел итог многолетних своих скитаний среди российских типов — крестьян, купцов, интеллигентов, — он ведет речь о «печальных, напуганных русских душах, несущих свое покорное, певучее горе», о «маленькой, грустной, человеческой жизни», как о «хорошей песне, обидно испорченной безголосым, глухим певцом». Горький не устает говорить здесь о несправедливости социального строя, уродующего человека, о гнете и неволе, приносящих ему незаслуженные страдания, искажающих его прекрасные черты. В этих рассказах-воспоминаниях Горький с мучительной жалостью рассказывает о людях запуганных, проживающих «никому ненужную жизнь», которым «нечем жить» и потому живут они без «опоры», без «устава», без «корней», без привычки к радости, «рыбьей жизнью». Память Горького «уныло считает десятки бесплодно и бессмысленно погибающих русских людей, и сердце упрямо сжимается великой, неизбывной, на всю жизнь данной тоскою». И наряду с этим Горький повествует о людях с замечательными душевными качествами, о талантливых жизнелюбах, мечтающих о благодатной жизни на земле, с

людях, готовых отдать себя для счастья всех людей, трепетно ценящих жизнь, понимающих ее здоровые корни, видящих, что человек создан не для пустяков. Они приходят к сознанию, что надо сдвинуть людей теснее, чтобы жизни «уплотнилась», что надо противопоставить угнетателям свою тактику — «они — свое, а мы — свое!», что «забавно жить и отличное удовольствие — жизнь, когда тебя извне никто не держит за горло, а изнутри ты дружески связан со всеми вокруг тебя».

В очерке «Н. Бутров» герой очерка говорит: «Народ у нас хороший, с таким народом горы можно опрокинуть. Кавказы распахать» и ценит народ за его постоянную мечту о хорошей жизни, за его серьезную думу о правде, — народ «С огнем в душе. Его дешево не купишь, пустяками не соблазнишь».

Русская тема звучит затаенно даже в серии «Сказок об Италии», прорываясь в таких мыслях: «Русские — вот люди!.. Бесправные, под страхом лишиться свободы и жизни, они сделали грандиозное дело — ведь это благодаря им вспыхнул к жизни весь Восток!».

В пьесе «Враги» Горький показал, как стойкие русские люди — рабочие крепко, цепью держатся друг за друга, упорно борются, спокойно верят в свою правду, зная, что рано или поздно они победят. В пьесе «Чудаки» вдумчивый взор Мастакова замечает в русской тягостной жизни «робкие побеги нового, истинно человеческого, красивого, вспышки новых огней». Он говорит: «Я ужасно рад, что живу и что вот — вокруг меня гудит, волнуется Россия, такая милая, славная страна... мелькают эти смешные, страшно близкие душе, русские человеческие рожи», и сознается: «хочется писать стихи, поэмы, хочется говорить светлые, задушевные слова... и подмигивать людям глазом — «ничего, братья! Живем!».

И, наконец, в обширной серии своих автобиографических повестей — «Детство», «В людях», «Мои университеты», «Случай из жизни Макара», «Хозяин», «Сторож» и другие — Горький вновь поднимает во всей полноте, сложности, остроте и силе тему о русской жизни, русских людях. Две противоположные стороны этой жизни показывает нам писатель, двумя страстями волнуема его чуткая душа: жизнь как проклятие и жизнь как дар, ненависть к злему и влюбленность в светлое и чистое. Уже в «Детстве» он раскрывает темную, нелепую жизнь, обильную жестокостями, горем, обидами, тоской, жизнь, в которой «правил много, а правды нет», показывает лучших людей ее, которые оказываются «чужими людьми в родной своей стране». Но и здесь он противопоставляет злой стихии жизни свое стремление к свету, уверенность в своих силах, следит за «ростом доброго из злого».

«В людях» усилены «свинцовые мерзости дикой русской

жизни», но обилию отрицательных впечатлений решительно противостоит новый опыт жизни героя—автора повести: он видит, что от жизни не убежишь, что стоять к ней надо «лицом, а не боком», что всё надо испытать самому, надо крепко помнить не плохое, а хорошее,—а хорошего в жизни не мало, и нужно всемерно помогать его обнаружению и росту.

В «Моих университетах» Горький окончательно обрел опору жизни в думах и делах примерных людей, лучших представителей русского народа,—ее низов и ее интеллигенции (Г. Плетнев, А. Деренков, Н. Федосеев, М. Ромась) и укрепился в сознании, что только борьба может выявить и закрепить здоровые душевные качества, сдув житейскую пыль, муть, пошлость, ибо «человека создает его сопротивление окружающей среде». И в той же повести дано такое определение русскому народу: «самый свободный народ по духу».

Произведения Горького биографического цикла — это не просто богато развернутая, насыщенная множеством фактов и образно, колоритно рассказанная талантливым словом писателя его художественная автобиография. Это—гневное обличение всего политического, социального и бытового строя, рожденного и охраняемого царской Россией. Это—беспощадный приговор всей капиталистической системе людских отношений. Это—повести о гнете будничной жизни и ее омертвляющих душу мелочах, о жестоких обидах, о злой грубости, об обмане и издевательствах над человеком, о «множестве заразной грязи» и «ядовитых отравках жизни», о гибели талантливых русских натур и необходимости самой решительной, упорной борьбы со всем, что стоит на пути роста человека. «Всё, что непосредственно наблюдалось мною, было почти совершенно чуждо сострадания к людям. Жизнь разворачивалась передо мной как бесконечная цепь вражды и жестокости, как непрерывная грязная борьба за преобладание пустяками»,—говорит Горький в «Моих университетах». Воссозданные замечательной памятью, зорким глазом и горячим чувством писателя эти жуткие картины социальной действительности имеют огромное показательное значение и именно потому, что не являются картинами безнадежности, бесперспективности, притупляющими, теплое чувство и радостные надежды человека.

Художественные образы Горького с исключительной рельефностью подчеркивают тягостные условия жизни русского человека в недавние времена. Но Горький потому так настойчиво и часто возвращался мыслями и чувствами художника к суровой русской обстановке, что видел при каких условиях «этот добротный, стойкий, даровитый, бесстрашный народ сохранил свои золотые качества: стремление к лучшему, веру

в закон правды—справедливости для всех, убеждение в своем праве быть владыкою труда своего, способность создать жизнь новую, жизнь братскую, жизнь света и разума». Горький считал: «Очень важно, чтоб исторически молодой, не знакомый с прошлым, читатель видел, какое огромное количество отрицательных впечатлений поглощалось нами и как мы вырабатывали из них положительные выводы; из коих особенно значительна наша уверенность в оживляющей человечество силе социальной революции, в необходимости уничтожения основ классовой структуры государства».

Автобиографический цикл Горького примечателен не только тем, что правдиво отображает лицо русской жизни с ее мрачными и светлыми сторонами, не только тем, что показывает—какие сокровища человеческих душ таятся в недрах необъятной России,—но и центральным своим образом—личностью самого автора. Перед нами во всей своей душевной сложности, со всеми социальными и психологическими основаниями и со всей силой своих лучших внутренних качеств встает личность одного из гениальных сынов нашей нации. Здесь Горький выступает не просто как герой художественно рассказанного мемуара, а как символ нового человека, рожденного к жизни в адских условиях, в нечеловеческих муках, неведомых никакому другому народу, сверхестественными усилиями, свойственными лишь исключительным натурам. Перед нами в образе Горького синтез национальных черт русского народа, взятых в определенных исторических условиях.

3.

Русский народ не бесплодно прожил свою многовековую жизнь. Он накапливал свои силы, он плодил таланты, закаляя их в суровой исторической обстановке; он присматривался к старому и многоопытному своему соседу—Западу и заимствовал от него то, что считал полезным и нужным для себя; он равноправным членом вошел в культурную семью народов мира, заняв в ней быстро и уверенно одно из ведущих мест. Мы вправе гордиться своим вкладом в мировую сокровищницу культуры, и этой гордости нас учит Горький. Вспоминая весь ход русской жизни, как он определился в прошлом, и многие замечательные дела русской нации, он всегда напоминал тем, кто склонен был это забывать, что русский человек «заслуживает какого-то иного, более повышенного отношения к нему, более внимательного и почтительного». Почтительное внимание русский народ заслужил своим выдающимся духовным и конкретным строительством, тем, что он выдви-

нул целую плеяду гениальных своих представителей во все области культуры.

Надо помнить, что русская культура, как и культура каждой страны, создавалась не одиночками, не отдельными яркими личностями, а всем коллективом, всей народной массой, ибо «масса—почва, из которой возрастает культура». Горький сказал: «Право на исключительное внимание к нему великорусское племя получило от его науки и литературы». Русский народ выделил замечательную плеяду ученых, среди которых есть величины мирового значения; выделил и великодушных деятелей искусства. Горький с огромной национальной гордостью, с горячим энтузиазмом, с глубокой верой в неиссякаемые силы народа писал о наших достижениях в искусстве—этой «квинт-эссенции культуры»:

✓ «В области искусства, в творчестве сердца русский народ обнаружил изумительную силу, создав при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир. Замкнуты были уста народа, связаны крылья души, но сердце его родило десятки художников слова, звуков, красок.

Гигант Пушкин, величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России, а рядом с ним волшебник Глинка и прекрасный Брюлов, беспощадный к себе и людям Гоголь, тоскующий Лермонтов, грустный Тургенев, гневный Некрасов, великий бунтовщик Толстой и большая совесть наша—Достоевский; Крамской, Репин, неподражаемый Мусоргский, Лесков, все силы, всю жизнь посвятивший на то, чтобы создать «положительный тип» русского человека и, наконец, великий лирик Чайковский и чародей языка—Островский, так непохожие друг на друга...

Все это грандиозное создано Русью менее чем в сотню лет. Радостно, до безумной гордости волнуется не только обилие талантов, рожденных Россией в XIX веке, но и поражающее разнообразие их... И мы имеем право гордиться разнообразием прекрасного горения русской души, и да укрепит оно нашу веру в духовную мощь страны. Возникнув в условиях невыразимо трудных, это изумительное творчество совершено со сказочной быстротой... ✓

Русское искусство—прежде всего сердечное искусство. В нем неугасимо горела романтическая любовь к человеку, этим огнем любви блещет творчество наших художников и великих и малых—«народников» в литературе, «передвижников» в живописи, «кучкистов» в музыке. И вот именно благодаря силе социального романтизма мы живем, а не погибли раздавленные насилием, не сгнили под давлением монархии. Да здравствует же искусство—свободная песнь сердца!».

Русская литература—превыше всего свидетельствует о духовной красоте русского народа. «Наша литература — наша гордость, лучшее, что создано нами, как нацией. В ней—вся наша философия, в ней запечатлены великие порывы духа; в этом дивном, сказочно быстро построенном храме по сей день горят умы великой красоты и силы, сердца святой чистоты — умы и сердца истинных художников. И все они правдиво и честно, освещая понятое, пережитое ими, говорят: храм русского искусства строен нами при молчаливой помощи народа, народ вдохновлял нас, любите его!». Русская литература — лучшая литература мира, ибо она была проводником и истолкователем самых значительных социальных идей, нужных человечеству; она «особенно поучительна, особенно ценна широтою своей—нет вопроса, который она не ставила бы и не пыталась разрешить»; она очень сильна демократизмом—«своим страстным стремлением к решению задач социального бытия, проповедью человечности, песнями в честь свободы, глубоким интересом к жизни народа, целомудренным отношением к женщине, упорными поисками всеобщей, всеосвещающей правды». Русский писатель всегда был «защитником справедливости, правды, свободы, проповедником уважения к человеку»; он брал на себя «роль силы, сдерживающей бунт унижительных и позорных чувств». Русский писатель « всю жизнь свою, все силы сердца тратил на жаркую проповедь общечеловеческой правды, будил внимание к народу своему,—но не отделял его от мира». Он был всегда национален, ибо учил: «верь в свой народ, создавший могучий русский язык, верь в его творческие силы; помогай ему подняться с колен, иди к нему, иди с ним»—и всегда упорно стремился к одному: «понять, почувствовать, догадаться о будущем страны; о судьбе ее народа, об ее роли на земле». В то же время для русских писателей «типичны широкие концепции, стройные мировоззрения, интенсивность ощущения жизни, в поле их зрения лежал весь необъятный мир, им свойственно неразрывное духовное сосуществование с лучшими людьми земли».

Русская литература, богатая мощными, ослепительными и резко индивидуальными талантами, выдвинулась на одно из первых мест в мировом искусстве, оказалась литературой самой прогрессивной и самой гуманной,—ведь «только она умеет рассказать о человеке с такой неисчерпаемой, мягкой и страстной любовью матери».

Величайшими гигантами художественной мысли высятся гении Пушкина, Толстого, Достоевского. О Толстом и Достоевском Горький говорил, что они «встали как равные в великие ряды людей, чьи имена Шекспир, Данте, Сервантес, Руссо и Гете». И в то же время о национальном смысле и значении

Толстого Горький сказал так: «Толстой глубоко национален, он с изумительной полнотой воплощает в своей душе все особенности сложной русской психики: в нем есть буйное озорство Васьки Буслаева и кроткая вдумчивость Нестора летописца, в нем горит фанатизм Аввакума, он скептик, как Чаадаев, поэт не менее, чем Пушкин, и умен, как Герцен. Толстой это целый мир. ...Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком».

Русское искусство только одна из мощных ветвей, порождаемая русской интеллигенцией, как «продуктом творчества народных масс». Горький говорил, что русские интеллигенты, эти «творцы русской нации», преисполнены бытового героизма, мужества, непоколебимой преданности своему конкретному делу и общему делу «обновления, облагораживания мира и России». Эта интеллигенция на протяжении долгого времени отдавала себя делу раскрепощения русского народа от оков бесправия — и в конечном счете привела страну к эпохе социалистического строительства. Лучших своих сынов выделила нация для дела революции. Вся работа русской интеллигенции за сто лет в этом направлении была трудом колоссальным — «люди совершили его в условиях почти невозможных не только для продуктивной социальной работы, но и для просто приличной жизни». Вот почему наша интеллигенция «по героизму своему и сделанной ею работе явление совершенно исключительное в истории Европы».

Горький вспоминал о своих ранних впечатлениях: «Для меня старые революционеры, побывавшие в тюрьмах, ссылке, на каторге, явились героями, полусвятыми; я смотрел на них, как на живое воплощение «правды-справедливости», как на людей, способных разрубить все туго завязанные узлы жизни». А в годы столыпинской реакции писал: «Нам не следует забывать, что на всем протяжении русской истории творческую роль играла в ней революционная интеллигенция; она вела Русь к Европе, ее силами питалась и духовно росла страна. В России только у революционной интеллигенции есть традиции, воистину культурные, и, вспомнив эти традиции, она возродится с новыми силами к новой борьбе».

Ожидания Горького блестяще оправдались. Народ понял, что «кроме как на свои силы, ему не на что надеяться, никто ему не поможет в трудном деле сознания (им его великих задач)» — и доверил выполнение самых дорогих и нужных ему дел избранному, лучшему, талантливейшему и честнейшему людям своей родины. Мужественная плеяда революционных борцов России на рубеже двух веков сплотилась под руководством гениального вождя В. И. Ленина в партию большевиков.

Стойкие люди партии совершили героическую работу, закончившуюся полной победой пролетариата; они поставили свою страну на путь свободного развития, а людей этой страны—в условия, содействующие всестороннему их росту.

Горький исключительно высоко ценил чистоту личности и душевную силу замечательных своих соотечественников, не устанно выступая с пропагандистскими статьями, разъясняющими смысл их великого дела. И тем самым он разделял свое патриотическое чувство с Лениным, который писал: «Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и социализм».

4.

382/710.
Горький всю жизнь оставался беззаветно преданным интересам трудящихся, народных масс, русской нации. Суровые впечатления ранних лет ни на один момент не отвратили его внимания от любви к родине, к родному народу. Мало того, Горький, воспитанный этими впечатлениями, поглотивший своим сознанием бесчисленные факты русской действительности, выверенные сравнительным путем с фактами из жизни других народов и стран, пришел к сознанию, что величайшее чудо на земле—человек, а жизнь—прекраснейший дар. Человек стал в центре философии и морали Горького, его данным и возможностям, его строительной роли на земле, его насущным интересам. Горький посвятил все лучшие страницы своей публицистики. Надо помнить при этом, что под общими своими суждениями и высказываниями Горький всегда разумел конкретный, живой материал русской действительности, русских людей, прежде всего и лучше всего ему известных.

Горький писал, оправдывая свое глубокое внимание к человеку, свой восторг перед теми его свойствами, которые сделали его творцом лучшего на земле: «Я очень рано узнал людей и еще в молодости начал выдумывать Человека, чтобы насытить мою жажду красоты. Мудрые люди — неутомимые творцы ошибок — убедили меня, что я плохо выдумал утешение себе. Тогда я снова пошел к людям—и это так понятно!—снова от них возвращаюсь к Человеку». Но человек для Горького не мечта, не иллюзорный образ, а прежде всего живое и полнокровное существо, «существо непостижимой сложности, вместилище бесконечного вихря мыслей» и «одна из живых нитей, связующих меня с миром».

Горький ценил человека за то, что он—«работник всему миру, он мой учитель в худом и добром. Жизнь вся, насквозь—

великое дело незаметно—маленьких людей». Звание человека—ответственное звание, его надо заслужить и оправдать. Если человек невнимателен к самому себе и к другим и не понимает своих качеств, своих возможностей, не чувствует своей ответственности перед жизнью,—то это еще «не человек, название одно», «еще экзамена не сдавал на человека-то» (слова из рассказа Горького), это только «человекоподобное существо», лишь «исполняющий должность человека». Ведь надо понять, что подчас «сам ты для себя—вещь не важная, а способность твоя—это миру подарок». Способность эта—в организующей, творческой, человеческой силе, выявление которой и делает из человека—личность.

Человека создает не пассивное его отношение к окружающему миру, а излучаемая им энергия, его желание активно обрабатывать землю своей волей, интуицией, воображением, разумом. «Человек должен быть всесторонен и лишь тогда он будет жизнеспособен и жизнедеятелен, то-есть будет уметь не только применяться к жизни, но и изменять ее условия сообразно росту своего «я». Ведь надо помнить основное: «Человека создает его сопротивление окружающей среде». Не паразит достоин высокого звания Человека, а человек—борец, человек—герой, ибо «история нуждается в сильных гениальных индивидуумах для создания новых форм жизни, более достойных разумного человека, чем те формы жизни, которые навязаны ему прошлым»,—«жизнь требует героев, а паразиты уже отжили свой век».

Горький видел таких людей, такую живую силу, способную двигать вперед человечество, в России старой и в особенности—в России новой. Это подымало его уверенность в неисчерпаемые силы нации, это углубляло его любовь к родине, это повышало его внимание к народу. Горький завещал нам быть всегда предельно преданными в своих делах и мыслях народу, зная, что только он способен к жизни бесконечной и только он может родить титанов мысли и художественного слова. Горький сказал: «И Достоевский велик, и Толстой гениален, и все вы, господа, если вам угодно, талантливы, умны, но Русь и народ ее—значительнее, дороже Толстого, Достоевского». «Народ не только—сила, создающая все материальные ценности, он—единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них—историю всемирной культуры». V

Еще в дореволюционные годы Горький говорил: «В народе— все начала, в его силе все возможности, его трудом кормится вся жизнь и ему принадлежит право распределять труд

свой по справедливости! И мы до той поры будем несчастны, пока народ не почувствует свое право быть владыкою труда своего». Надо понять, что человек—«великий Муж Земли», что «только народ—истинный и законный хозяин жизни! Ему вся земля и воля!» и что единственным нашим лозунгом должно быть: «Больше свободы народам, если мы хотим видеть жизнь достойной человека, прекрасной и радостной! Вот лозунг для всех, кто любит жизнь».

«Любить жизнь!»—вот что вытекает из всего хода мыслей Горького, из всех его связей и отношений к жизни. Горький посмотрел на мир открытыми влюбленными глазами,—мир же на первых порах ошеломил его тягостными впечатлениями, и тем не менее не ослабил, а усилил и укрепил его веру в жизнь. Горькому органически было присуще категорическое несогласие с изъятиями и пороками, обусловленными ходом социальной жизни, и он всегда оставался при убеждении, что жизнь, ее нескончаемый процесс владеет замечательной силой вечного обновления, что жизни социальной присущ процесс совершенствования.

Этот социальный оптимизм Горького питался его безраздельной и непрерываемой ни на один момент связью с народом в настоящем и «ясным представлением об исторических жизненных задачах этого народа в будущем». Горький говорил, что «когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом—это дает красоту и силу ему», и внушал нам, что великое, жизнестойкое и плодотворное чувство—социальный оптимизм есть качество души и разума, вытекающее из демократизма, из нашей исторической и социальной связи с народом. Это чувство никогда не угаснет в нас, если только мы не будем плестись по грязным следам жизни, будем идти не иначе и сзади нее, а всегда впереди; если только мы приучимся замечать «светлые надежды, возбуждаемые работой и жизнью человечества, его живых великих целей, того, к чему оно идет и должно притти, как этого хотят его здоровые, творческие воли»,—если только мы осознали, что все мы—народ. Это сознание было свойственно всем лучшим сынам нашей страны; оно вдохновляло и Ленина, и Толстого, и Горького. О нем же прекрасно сказал друг Горького—Чехов: «Все мы народ и всё то лучшее, что мы делаем, есть дело народное».

В свете мыслей Горького о русском народе делается вполне понятным, что, говоря о любви к отечеству, к родной нации, он разумел не слепую влюбленность в привычное место и в привычную людскую среду, но любовь к талантливому народу, как «силе творческой, лучшей энергии природы», любовь к созидательному человеку, как «равному мне мыслящему и чувствующему существу».

Эта любовь должна стать инстинктом, ею должен руководиться человек в своих повседневных делах, мыслях и чувствах, ею он должен пропитаться насквозь, чтобы сделать действительной и социально-полезной всю свою жизнь на радость себе и своим соотечественникам, на благо своей родине и коллективу своих сородичей. Человек должен быть окрылен светлой мыслью, что ему дано увеличить красоты земли, ибо человек создан «для деяний добрых, для украшения земли радостями». Он должен раз навсегда понять, что жизнь—«прекрасный процесс созидания идей, накопления красоты и мудрости, неустанного творчества новых форм», что жизнь—«величественное, неукротимое движение ко всеобщему счастью и радости».

Положительным содержанием глубоких мыслей и великих художественных полотен Горького является вера в неиссякаемые силы русского народа, всепоглощающая любовь ко всему живому, умному, красивому, неизбывная радость от процессов трудовой жизни, от чудесной творческой силы человека, все создающей на земле и непрерывно преобразующей жизнь.

5.

Говоря о патриотизме Горького, следует учитывать то обстоятельство, что он был совершенно чужд идеям национальной нетерпимости; он никогда не выдвигал в виде особых, наилучших свойств исключительные качества какой-либо одной нации. Горький никогда не замыкался в рамках культуры национальной, считая, что лишь международный обмен культурными ценностями может безмерно обогатить наше сознание, наш жизненный и творческий опыт. Горькому как культурному строителю и социалисту не были дороги национальные одежды того или иного человека, но важна самая его сущность, его органическая творческая способность, которая подавляется социальными условиями, унижающими человека, и возрождается при наличии свободных форм социальной жизни.

Горький любил каждую нацию каждой страны за тот драгоценный вклад, который она вносит в общую сокровищницу мировой культуры. Людям «Тысячами голосов Дух жизни говорит: «Я—всюду един, и везде клич мой звучит одинаково: объединяйтесь для совместной работы, для общей борьбы с враждебными вам силами! Берегите человека, ибо он вместилище мое, он источник творческой энергии, создающей новую жизнь!» Горький говорил: «Каждая народная масса есть источник чудесных возможностей, в каждой стране, под гнетом труда и насилия, гибнущ, быть может, десятки гениев,

сотни великих людей, всем народам необходима полная свобода приобщения ко всему, что создано и создается творческой работой духа». «Каждый духовно-здоровый человек являет собой как бы туго свернутую хартию, написанную впечатлениями исторического бытия его племени, его предков. В счастливых условиях эта хартия, разворачиваясь, обогащает нас такими радостными явлениями как Шевченко, Пушкин, Мицкевич—люди, воплощающие дух народа с наибольшей красотой, силой и полноценностью».

И уже применительно к нашей стране, государство и культура которой в прошлом и настоящем созидались тремя основными народностями—великорусской, украинской, белорусской. Горький писал: «Если говорить о России, как целом, не надо забывать, что строили ее все три племени вместе и что они-то и есть живой ее скелет, крепко обросший мускулами иных племен». «Если у нас в прошлом—гигант Пушкин, отсюда еще не значит, что армяне, грузины, татары, украинцы и прочие племена не способны дать величайших мастеров литературы, музыки, живописи и зодчества». А потому: «Пусть каждый свободно живет и работает на земле, удобренной прахом его предков, украшенной их великой работой, и тогда мы все почувствуем себя в нашей России как дети на груди матери. Каждому—свое и всем—всё доброе».

И каждая нация, каждая страна,—как об этом всегда писал Горький,—обязана до последней капли крови защищать не только свое право на физическую жизнь, но и на свое творческое самоопределение, на свою свободную жизнь. Всеми силами и средствами, не уступая никому, никогда и ни в чем, надо защищать человека—творца от покушений на его жизнь человека-зверя.

6.

Великая Октябрьская революция принесла свободу русскому народу, она раскрыла уста народа, развязала крылья его души. Она окончательно и бесповоротно покончила со старыми, калечащими человека, условиями социальной и бытовой жизни, она решительно повернула колесо русской истории на новый путь—на путь социалистического строительства нашего государства.

Наш народ возродился после Октябрьской революции. В Союзе Советов, созданном теоретической мыслью и великой самоотверженной работой наших вождей—гениальных представителей нашей страны—Ленина и Сталина—зажил кипучей, полнокровной жизнью «юный великан, который живет и рабо-

тает для того, чтобы разрушить всё отжившее, построить на земле новый мир». «Радостно жить и бороться в стране, где великая мудрость партии и железная воля ее вождя Иосифа Сталина навсегда освобождают человека от проклятых навыков и предрассудков прошлого».

В первые же суровые и невероятно трудные годы после Октября Горький писал, подчеркивая великие трудности гигантского нового дела и всемирное значение той энергии, которая была отдана ему честнейшими революционерами России. «Сегодня в пыли, в грязи, в хаосе разрушения уже началась великая работа освобождения людей из крепкой, железной паутины прошлого, работа страшная и трудная, как родовые муки». Горький отмечал этот поразительный разрыв между нашим российским «вчера» и «сегодня»: «Случилось так, что впереди народов идут на решительный бой за торжество справедливости бойцы наиболее неопытные и слабые — русские люди, люди страны отсталой экономически и культурно, люди измученные своим прошлым более других. Еще вчера весь мир считал их полудикарями, а сегодня они, почти умирая с голоду, идут к победе или на смерть пламенно и мужественно, как старые, привычные бойцы». Народ, в условиях жесточайшего голода, окруженный вражеским кольцом бесчисленных интервентов, героически защищал свое право на независимую и раскрепощенную от всех кандалов эксплуатации жизнь.

Но Горький не был беспристрастным свидетелем, хладнокровным историком событий, совершающихся на рубеже двух эпох. Со всей присущей ему страстью революционера, со всей глубиной своей талантливости и с горячим чувством русского человека, дождавшегося радостного своего утра, пробуждающего народ к новой жизни, Горький отдался делу построения этой новой жизни, делу культурного преобразования страны, делу громадной и неисчерпаемой по мыслям, идеям политической пропаганды — в публицистике и художественных образах.

Почти двадцать лет неустанно раздавался голос Горького со всесоюзной трибуны — со страниц нашей центральной печати, — в защиту права, завоеванного кровью и страстью передовых русских рабочих, крестьян и интеллигенции нашего многоплеменного Союза, права на самостоятельную жизнь, на защиту государства, поставившего на своем знамени искоренение всяких форм эксплуатации человека человеком. Горький отдал всего себя молодой русской демократии, этой, по его определению, «юной силе страны», считая первейшим делом своим «воспитание этой силы, заботу о ее росте».

Социализм вызвал к творческой жизни в нашей стране не только русский народ, но и все другие национальности, до этого скованные цепями царизма. За первыми ростками их

юного и буйного роста Горький следил с неослабным вниманием, помогая своим мудрым словом расти правильное и увереннее. И Горький горячо призывал нас верить в духовную и неизбывную мощь нашей страны, в здоровые, трудоспособные, неисчерпаемые силы всех народов, ее населяющих.

Свидетель и участник, историк и судья старой России — Горький справедливо отмечал изобилие в ней талантов, массы гибнущих в невыносимых для нормальной жизни человека условиях. Горький говорил в 1909 г.: «существует некий очевидный и огромный факт: сто миллионов черепов и каждый из них — драгоценная чаша человеческого мозга, который ныне едва тлеет, но ведь должен же он разгореться и осветить мир своим пламенем». Горький знал, что силы страны и мощь молодой русской нации — неисчерпаемы: «огромные родятся в ней таланты, прекрасные, глубокие сердца в ней есть! Будем верить, что хорошее не только было больше, но и будет больше!». В новой России, в свободных условиях проявления человеком себя, число народных талантов неисчислимо умножилось — они заняли места активных строителей жизни и творческих деятелей культуры. Горький говорил в советские годы: «Россия всегда, сударь мой, была родиной талантов, а теперь прямо некий воспитательный дом талантов! Право так!». А в письме к своему другу Р. Роллану писал о состоянии литературы в Советском Союзе: «Я изумлен обилием молодых литераторов... В данный момент в России имеются сотни писателей: их количество быстро увеличивается, и я могу объяснить себе это лишь даровитостью всего моего народа. Русский народ начинает, наконец, сознавать свое «я», свою ценность и право на свободу творческих сил во всех областях жизни. ...Да, прекрасная литература живет и растет сейчас в России. И, восхищаясь ею, я огорчен тем, что Европа так мало обращает внимания на это великое движение, на эти творческие силы, что она так усердно отыскивает там дурное, проявляя так много враждебности, не зная того, что там есть хорошего».

Горький был великим гражданином своей страны не только потому, что гениально познал ее творческие, живые силы в прошлом и настоящем, и не только потому, что отдал весь свой мужественный пафос борьбе со всем социальным злом, заглушающим эти силы, но и потому, что всегда смотрел далеко вперед, беспокоился за будущее дорогой ему родины. Ведь художник, по слову Горького, должен не только прекрасно видеть, но и предвидеть. Любовь к родине и своему народу держала Горького в постоянном напряжении мысли не только по поводу творчески бурного «сегодня» родной страны, но и по поводу его тревожного «завтра».

Уже в советские годы Горький почти десять лет жил за границей, наблюдая как непосредственно, так и по мировой печати, возникновение и созревание в Италии и Германии фашистских «идей», а в дальнейшие годы шумный и наглый рост цинической фашистской практики. Горький безошибочно угадал, что конечная цель фашизма, этой самой мрачной, человеконенавистнической силы реакции—борьба с прогрессивными силами человечества.

Вот почему одной из постоянных, ведущих тем Горького — публициста последних лет его жизни была яркая анти-фашистская пропаганда; вот почему в бесчисленных своих статьях и в редактируемом им журнале «За рубежом» Горький не уставал разоблачать звериную практику фашистских деятелей, убогую, но кошмарную по своим конкретным проявлениям фашистскую «теорию». В своих многочисленных статьях Горький писал о том, что фашисты Германии и Италии приобретают все более хищнические и наглые черты, что они открыто готовятся к новому переделу мира и к массовому убийству, что все свои «культурные» запросы фашизм цинично приспособляет к этой будущей международной бойне. Даже умирая, в бреду, Горький произнес такие слова: «Будет война... Надо готовиться... Надо быть застегнутыми на все пуговицы».

Фашизм охвачен чудовищной страстью к наживе; фашист— «манияк наживы и при этом страдающий манией величия,— вне этих ненормальностей он, обычно, человек невежественный, уродливо ограниченный инстинктом хищника». В конечном счете фашисты не могут успокоиться до тех пор, пока небольшая кучка акул, одичавших в погоне за бессмысленным накоплением денег, не овладеет всеми сокровищами мира, не захватит в свои лапы богатства, принадлежащие трудящимся всех стран.

Возмутительная несправедливость этой цели очевидна, и не менее ясны те чудовищные средства, какими фашисты будут стремиться к достижению этой цели. Они «снова хотят заработать на крови трудового народа, снова готовятся послать миллионы рабочих и крестьян на взаимное истребление». По сравнению с войной 1914—1918 гг., как предвидел Горький, «эта новая бойня будет еще более кровавой и разрушительной. Снова будут превращать города в груды мусора, снова испортят, разроют, отравят трупами сотни и тысячи квадратных километров плодородной земли, вырубят и выжгут леса». Фашисты не посчитаются с тем, что война явится огромным бедствием для человечества, приостанавливая процесс непрерывного преобразования земли трудом человека, завоевания сокровищ и умножения ее богатств умом и изобрета-

тельностью творческого человеческого гения. Фашисты,—эта «безответственная кучка грабителей чужого труда», эта «организация паразитов человечества»,—«грозит разрушить культуру, которая создавалась не только физическим трудом рабочих, но и талантливейшими выдвиженцами рабочей массы во все области творчества».

Фашизм и культура—это несовместимые, взаимно исключаящие понятия. Фашисты являются бешеными врагами культуры потому, что их цели, «теории», стратегия и практика их повседневных «дел» находятся в кричащем противоречии с тем, что передовое человечество всегда выделяло в качестве лучших своих мыслей, идей, завоеваний.

Фашизм «исповедует неравенство людей», «презрительно отрицает идею братства народов и социального равенства человеческих единиц, отрицает, конечно, и права большинства на власть». Гитлер выдвинул «теорию» права лишь германской расы, «сильного германского человека» на власть во всем мире и проповедует, что фашизм «вознесет народ Германии над всем человечеством». Передовое же человечество непоколебимо стоит на принципе уважения всех народов, всех наций, всех стран, творящих великое дело культуры—и этот принцип в полной мере осуществлен в нашем многонациональном государстве. Горький в своих статьях настойчиво и страстно разоблачал оголтелый национализм и расизм, воспитывающие социальный цинизм и садическую страсть к разрушению, и показывал, что «расовая теория» по существу является той же «цинической проповедью вооруженного грабежа», как и все другие «теории» фашизма.

Вот эту «культуру», этот звериный поход на трудовое человечество, на его естественное право на самостоятельную и свободную жизнь, на неисчислимы ценности, созданные человеком,—«вот этот бред и есть основное содержание фашизма»—многократно писал Горький. Совершенно очевидно, говорил Горький, что трудовыми народами Германии и Италии «правят люди обезумевшие, и что нет преступления, на которое они не были бы способны, нет такого количества крови, которое они побоялись бы пролить».

Горький говорил о предстоящем кровавом походе фашизма на русский народ и русскую культуру — о походе, который представлялся Горькому делом ближайших лет и стал суровой и грозной действительностью в сегодняшние дни. Ближайшая задача фашистов, этой «банды разбойников», приученных жить грабежом тяжелого труда пролетариата, представлялась ему исключительно ясной: «побить своих соседей и, схватив побежденных за шиворот, двинуть их против государства социалистического».

Любовь к нашей прекрасной земле, к социалистической родине, к пестрой многонациональной семье нашей страны — постоянная тема статей Горького. Горький призывал беззаветно любить наше отечество, утверждать всеми силами наше священное право на творческую самостоятельную жизнь. Горький призывал бесстрашно и самоотверженно защищать родину от любых нападков со стороны и в первую очередь от заклятых врагов нашей страны — от фашистских головорезов. Наше дело — мужественное сопротивление подлой и кровавой затее гитлеризма, наше дело — защита священного права на свободную жизнь и мирный труд, ибо «мы являемся страной, которая служит делу мира». В нашем деле несокрушимым оплотом являются лучшие сыны нашей родины — наши славные воины, наша Красная Армия, каждый боец которой хорошо знает и чувствует, что он «бьется за свою свободу, за свое право быть единственным властелином своей страны».

«Что можем мы противопоставить врагу, который еще достаточно силен?» — с этим вопросом Горький обращается к рабочим и крестьянам Союза и отвечает: «У нас есть все, что должно обеспечить вам победу и прежде всего — это ваша энергия. В соединении с сознанием необходимости борьбы она еще более должна возрасти и принять еще более строго организованные формы». Обращаясь к трудящимся, Горький напоминал: «Ваша сила — несокрушима, товарищи, вы доказали это в гражданской битве, и вы ежедневно доказываете это своим героическим трудом. Ваша сила — несокрушима, и она обеспечивает вам победу над всеми препятствиями. Вы должны ее преодолеть и — преодолете».

Красная Армия — оплот социалистической родины. По слову Горького «мы все должны понять себя как Красную Армию... все — работники на полях и на фабриках, работник, вооруженный винтовкой и вооруженный пером». Вот почему Горький сказал о себе замечательные слова, которые должны глубоко проникнуть в сердце каждого советского патриота: «Если вспыхнет война против того класса, силами которого я живу и работаю, — я тоже пойду рядовым бойцом в его армию. Пойду не потому, что знаю, именно она победит, а потому, что великое справедливое дело рабочего класса Союза Советов — это мое законное дело, мой долг». В этих словах, как и в лозунге, насыщенном неукротимой ненавистью к врагу — «если враг не сдается — его уничтожат» — со всей силой опаляющего энтузиазма сказанное мощным пламенный патриотизм Горького. Любя родину, Горький призывал страстно ненавидеть ее врагов, истребляя их безжалостно и беспощадно, — это и есть главная наша патриотическая задача.

Горький велик тем, что своим революционным сознанием и патриотическим чувством закрепил в точных словах правду социальной жизни, научил нас правильно видеть и верно оценивать сложные социальные явления, воспитал нас в сознании ответственности перед жизнью и людьми, учил любить отечество, труд, русского человека, русскую культуру, отдавая все свои силы для светлой жизни людей в настоящем и будущем. Горький исчерпывающе определил наших врагов и наших друзей. Горький является перед нами, как исключительно светлая, монолитная, целеустремленная личность, обращенная взором только вперед, с непреклонной уверенностью в силах своих и русского народа.

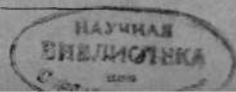
Вот почему литературное наследие Горького продолжает жить новой жизнью в новых условиях. Горький—гениальный выразитель чаяний передового человечества, ведущей демократии мира—воспринимается нами как наш современник. Его мужественное революционное слово стало идейным оружием в самые суровые и ответственные дни нашего социалистического отечества. Светлый разум Горького сочетался с его горячим сердцем, с его огромной волей и несокрушимым духом—и что бы ни делал Горький, он всегда вносил в работу ту страстность, которая отличает всех великих революционеров, всех подлинных друзей человечества.

В силу изумительных дарований, столь щедро отпущенных Горькому природой, а также своим невероятным, поистине гигантским трудом и неудержимой тягой к знанию Горький сделался тем, каким он вошел в сознание всего прогрессивного человечества: замечательным писателем, культурнейшим человеком мира, стойким, негибаемым революционером, пламенным патриотом, гениальным представителем великого русского народа.

Мы гордимся нашим Горьким, ибо в его поистине легендарной личности воплотилась вся мощь таланта, все величие непреклонного духа русской нации, весь огромный народный опыт нашей страны.

Жизнь, дела и думы Горького имеют для всех нас, для всего человечества примерное, образцовое значение. Об этом исчерпывающе сказал Молотов такими словами: «Рабочие и все трудящиеся видят в Горьком себя, своего человека, свою жизнь — судьбу, свое будущее».

382710

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Саратовское областное государственное издательство. 1942

Отв. редактор *Е. Трощенко*

Корректор *З. Чуднова*

НГ24849. Подписано к печати 7/XII 1942 г. Учетно.-изд. л. 2. Печ. л. 2.
Знаков в бум. л. 82.000. Тираж 5000. Цена 70 коп.

Саратов. Типография № 1 Полиграфиздата.

Заказ № 3957.

